

**ПОУЧЕНИЕ ЛУКИ ЖИДЯТЫ —
ДРЕВНЕЙШАЯ РУССКАЯ ПРОПОВЕДЬ***В. В. Мильков*

Статья подготовлена по проекту РГНФ № 12-04-00151
«Наследие новгородского епископа Луки: тексты, комментарии, исследования»

Лука Жидята был вторым епископом Новгорода, который занял кафедру в 1036 г.¹ Он был представителем местных кадров высшего клира «новонасаждённой Русской церкви». Назначение на святительство в Новгороде осуществлялось непосредственно Ярославом: «иде Ярославъ Новгороду. и посади сѣна своего Володимера Новгородѣ. еѣппа постави Жидатѣ»². Сведения о Луке крайне скудны. Летописи сообщают, что в 1055 г. он был вызван на суд к митрополиту, причём причины разбирательства источники не проясняют³. В 1058 г. он был оправдан⁴, но 15 октября 1059 г. умирает на возвратном пути из Киева и предается погребению в Софийском соборе⁵.

Скупые сведения о биографии архипастыря исследователи пытаются восполнить трактовками его необычного прозвища. По мнению ряда исследователей, оно могло означать, что Лука был выкрестом⁶ либо был причастен к обращению иудеев⁷. Однако форму прозвища нельзя вывести из этноименования⁸. Прозвища на Руси увязывались не столько с именем, сколько с яркими чертами характера, поведения или исключительными качествами личности. Учитывая книжные занятия святителя, нельзя исключать, что прозвище отражало склонность первого русского писателя к чтению ветхозаветных текстов, подобную той, что проявлял Никита Затворник, который «вся книги жидовския добръ свѣдѣаше»⁹.

На время пребывания Луки на кафедре приходятся крупные культурные свершения. В 1056–1057 гг. писцом Григорием был подготовлен список «Осторомирова евангелия»¹⁰. В 1047 г. Упырем Лихим была создана книга «Толковых пророчеств»¹¹. При Луке был заложен, построен и освящён Софийский собор (1045–1050)¹². Участие Луки в церковном строительстве запечатлено легендой о сжатой деснице Спаса в центральном куполе собора¹³, поздние списки которой сохранили сюжет, современный росписи подкупольного пространства¹⁴. На время святительства Луки Жидяты, по-видимому, приходится ставшее характерным для церковной жизни Новгорода, а затем и Руси нововведение, а именно внедрение колокольного звона¹⁵.

Фигура Луки знаковая. Он был первым из известных нам по имени писателей Древней Руси. Вышедшее из-под пера новгородского святителя поучительное наставление вошло в обиход как «Поучение Луки Жидяты» (далее — ПЛ). Оно дошло до нас в двух видах: летописном (под 1058 г.)¹⁶ и в составе четых сборников¹⁷.

Памятник ввёл в оборот Р. Ф. Тимковский по Летописи начала XVI в. из собрания П. П. Бекетова, ныне утраченной¹⁸. Этот текст перепечатали И. Е. Евсеев¹⁹ и С. Бугославский, который привёл разночтения по 18 спискам (как летописного, так и четьего видов)²⁰. ПЛ неоднократно издавалось при публикации летописей²¹. Шесть списков из четьих сборников были опубликованы С. Бугославским²².

Памятник давно находился в поле зрения исследователей, и в историографии наработаны определённые оценки его содержания. Наиболее типичным и распространённым можно считать мнение, что святитель затронул главное в христианском учении, в краткой форме представив «весь круг религиозных и нравственных понятий христианина...»²³. Наставление оценивались как начальное приобщение паствы к каноническим установлениям²⁴, а выражение мысли — как «крайне незатейливое»²⁵, по своей простоте доступное для понимания неопитов²⁶. С разными вариациями оценки дореволюционных исследователей повторяются в современной историографии²⁷. Но существующие в историографии оценки не могут считаться исчерпывающими. Круг задач, которые решал Лука, далеко выходит за рамки просто поучения. Несмотря на малую форму и внешнюю простоту изложения, в содержании текста чётко просматривается несколько пластов смысловой наполненности.

Поучение начинается с изложения краткой, ёмкой и хорошо понятной формулы веры: «первѣе всего сию заповѣдь извѣстно должны есмы вси крестіанѣ держати: вѣровати въ единъ Богъ, въ Троици славимъ, въ Отца и Сына и Святаго Духа, акоже научили Апостоли свати отци оутвердиша. Вѣроую въ едино[го] Бога до конца. Вѣроуйте же ми крѣсенію и жизни вѣчнѣи и моуцѣ грѣшнымъ вѣчнѣи» (ПЛ, 222)²⁸. Эту часть точнее было бы назвать не поучением, а научением, т. е. самым общим ознакомлением с тем, что из себя представляет христианская вера. Лука предлагает своей пастве минимум элементарного и по большей части внешнего благочестия: «**Не ленитесь къ церкви ходити, и на заоутреню, и на вѣдню, и на вечернюю; и въ свои клѣти, хотѣ спати, Богоу поклонивса, толіко на постели лъзи. Въ церкви предстоите со страхомъ Божиимъ; не молви рѣчи, ни мысли, но моли Бога всею мыслью, да утдасть ти Богъ грѣхи**» (ПЛ, 222–223). Требования эти достаточно простые и не требуют чрезмерного напряжения при их исполнении.

Говоря о пастве архипастыря, необходимо сделать важное уточнение. Традиционно адресатом поучения считались все новгородцы. Но Лука прямо адресует своё слово проповедника к «братии» (**Се братіе...** — ПЛ, 222), тогда как паства в широком смысле именовалась со стороны архипастырей «чадами» и «детьми». Братьями же, согласно средневековому этикету, могли быть названы только равные по статусу люди, и святитель так подчёркивает принадлежность своего адресата к социальным верхам. Возвышение его в употреблённой форме обращения подчёркнуто снимается.

То, что наставление святителя предназначалось не всему новгородскому обществу, а его верхам, видно также по тому, что речь идёт о поступках, характерных для состоятельных и влиятельных лиц. Архипастырем осуждается лихва и

неправедный суд (ПЛ, 234). В его наставлении звучит призыв проявлять милость по отношению к странникам, убогим, заключённым и собственным слугам (ПЛ, 223).

Логично предполагать конкретный повод написания «Поучения». Для этого надо определить, какие претензии архипастыря к влиятельной «братии» новгородской являлись наиболее важными. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Лука выделяет несколько взаимосвязанных между собой безнравственных поступков: «москолудство» (издевательство)²⁹, срамословие, поругания, проявление крутого нрава, ведущего к ссорам, выражение презрения и насмешки (ПЛ, 224). В ярких словесных категориях («похританса» [позорить], «молвити срамна слова», «посмѣлтиса», «гнѣвъ», «москолоудство») рисуется ситуация взаимных издевательств, бесчестия, ругани и унижений в спорах. Яркая зарисовка с натуры непристойного поведения характеризует широко известные раздоры среди древних новгородцев. Подобное в борьбе боярских кланов было явлением обычным.

На преодоление распрей направлено также наставление Луки не клясться Божьим именем, никого не заклинать и не проклинать (ПЛ, 255). В данном случае упоминание клятвы, как запретной практики (Исх. 20: 7; ср. Втор. 5: 11), лишь подчёркивает неприемлемость древнего обычая налагать на противников проклятия. Владыка ставит в один ряд клятвоутверждение, заклинание и проклятие, тем самым подчёркивая ритуальный характер заклания и проклятия врагов. Другими словами, речь идёт о спорах и оскорблениях с примесью вербальной магии.

К распрям и вражде имеют отношение и другие наставления, в которых звучат мотивы умиротворения и призывы архипастыря к влиятельной и могущественной пастве отступить от раздоров: «Любовь имѣйте со всащѣмъ челоуѣкомъ, а боле з братнею, и не боуди ино на сердци, а инъ въ оустѣхъ; но подѣ братомъ амы не рои...; Претерпите братъ братоу и всакому челоуѣкоу, а не въздайте зла за зло, дроугъ дроуга похвали, да и Богъ вы и похвалит. не мози свадити да не наречешиса сынъ диаволоу, но смири, да боудеши сынъ Богоу. не всоуди брата ни мыслию, поминаа свои грѣхи, да тебѣ Богъ не всоудитъ» (ПЛ, 223–224). Речь здесь идёт о взаимоотношениях в среде высшего сословия, где «братия» напрямую противопоставлена «всяцем челоуеком», т. е. остальным людям. Нелицеприятные высказывания Луки о своих современниках дышат живым впечатлением от раздоров, вражды, взаимных претензий. При этом форма обращения сдержанна, деликатна, дипломатична. Конкретно адресат нигде не обозначен, но язык недомолвок понятен тем, о ком идёт речь.

Нравственный портрет адресата «Поучения» дополняется такими чертами, как буйство и гордость, не связанными со смирением и кротостью: «Боуести не имѣйте, ни гордости, ни прилѣплиса инѣхъ творити, помни, акъ оутро боудемъ смрадъ и гнои и червие. Боудете смирени и кротци, да и послужници боудете, и творци Божиимъ заповѣдемъ; въ гордаго бо сердци диаволь сѣдитъ и Божие слово не хоцетъ прилоути емоу» (ПЛ, 224–225). Именно такие качества автор «Поучения» считает питательной средой вражды и конфликтов.

Перечисленные мотивы свидетельствуют, что Лука прилагал большие усилия к достижению мира и согласия в элитарной среде. А это даёт основание полагать,

что установка на умиротворение и прекращение розни, вызвана резко конфликтной ситуацией. Тогда встаёт вопрос: кого с кем архипастырь стремился примирить на основе христианских ценностей? Ведь программный для «Поучения» мотив умиротворения «братии» мог означать не только намерение нормализовать отношения внутри новгородского боярства. Устами владыки была озвучена программа примирения вообще. Не исключено, что важный для ПЛ призыв к примирению был направлен в том числе и на урегулирование взаимоотношений новгородской и киевской «братии». Ведь ситуация вражды местной знати к киевским властям и его представителям в Новгороде возникала не раз, и на неё не мог не реагировать ставленник великого князя.

В какой период святительства Луки умиротворение представителей влиятельной верхушки Новгорода было наиболее актуальным для киевских властей? Острая ситуация в отношениях Новгорода с Киевом возникла с вокняжением Владимира. Согласно Списку князей, оно последовало за смертью старшего Ярославича — Ильи. Ситуацию осложняла гибель посадника Константина. Этот Константин вынудил Ярослава пойти на Киев в 1018 г. Став князем, Ярослав расправился с тем, кто навязал ему свою волю и устранил могущественную фигуру, которая могла составить противовес его сыну. Летопись сообщает о гневе Ярослава на посадника Константина под 1019 (1020) г., а затем повествует о его заточении в Ростове и убийстве на третье лето в Муроме³⁰. В хронологии событий усматривается смещение, а вся ситуация по совокупности признаков датируется 1034–1036 гг.³¹ В таких обстоятельствах в Новгороде не могло не возникнуть ожесточения, вызванного коварством великого князя. Умиротворительные усилия владыки — ответ на напряжение, возникшее во властных сферах. Устами Луки Ярослав, по сути дела, предлагал примирение раздражённым и озлобленным «братьям»-новгородцам, которые не могли испытывать доверия к людям готового на суровые расправы властителя. Видимо, всё это сопровождалось обстановкой непристойных перепалок. В такой ситуации ПЛ выполняло роль идеологического средства установления политического мира с элитой в важнейшем из подвластных Киеву регионе.

Без сомнения, принципы, которые проповедовал новгородский святитель, имели не только конкретно-историческое измерение, но и универсальный, вневременной смысл, обеспечивший долгую жизнь ПЛ в древнерусской книжности. Поэтому приходится разделять при анализе произведения злобу дня и манифестацию православных идеалов как таковых.

В соответствии с законами жанра поучений новгородский проповедник выстраивает желанную для него, как архипастыря, модель поведения. Лука Жидята старается внушить пастве, что исходным посылом межличностных отношений должны быть не гордость, вражда, месть и озлобление, но правдивость и любовь к ближнему, а также порождаемые любовью терпение и прощение. Краеугольным принципом ценностных установок духовный наставник новгородцев определяет любовь. Для Луки, в полном соответствии с христианским учением, это — самый мощный и абсолютный принцип, всеобщий нравственный закон, которым следует руководствоваться (поскольку это — та заповедь, которая объемлет собой другие

заповеди — ср.: Лк. 10: 27; Мф. 22: 39; Мк. 12: 31). Новгородский владыка прививал сознанию современников базовую норму христианского мировоззрения.

С позиций любви и всепрощения действует и сам проповедник, ибо его отношение к греховным поступкам современников одновременно принципиальное и сдержанное. Проповедь святителя строится не на бичевании пороков, а лишь на констатации нравственных изъянов. Скорее «Поучение» похоже на увещевание способного к прощению милосердного отца, тактично врачующего нравственные изъяны. Поэтому значительный объём ПЛ занимает не критика, а постулирование желанных идеалов.

Набор общехристианских заповедей, образующих в ПЛ отдельный блок, достаточно традиционен. Он отгалкивается от десятословия и евангельских установок. В отличие от наставлений, которые назначенный на святительство Ярославом Лука адресовал непосредственно верхушке новгородского общества, среди этих заповедей не просматривается сколько-нибудь конкретной адресности: «**Не оубѣи** (ср.: Исх. 20: 13; Втор. 5: 17), **не оукради** (ср.: Исх. 20: 15; Втор. 5: 19), **не солжи, лжи послуухъ не боуди** (ср.: Исх. 20: 16; Втор. 5: 20), **не навиди, не завиди, не клеветчи; владни не твори** (ср.: Исх. 20: 17) **ни с рабою** (единственная мета ориентации этого блока на состоятельные верхи общества. — В. М.) **ни с ким же, не пи безъ года, ни здоволь, а не до пианьства** (характерно, что, в отличие от Притч. 23: 20; Еф. 5: 18; Ос. 14: 8; Лк. 21: 34; 1 Петр. 4: 3; Рим. 13: 13; Гал. 5: 21, даётся весьма умеренное наставление, близкое Тов. 4: 15). **Не боуди гнѣвливъ** (ср.: Мф. 5: 22; ср.: Лев. 19: 18), **ни напраснивъ боуди, съ радоующимиса радоуиса, с печалными печалень** (ср.: Рим. 12: 15), **не адите скверна** (Лев. 11: 4–47; Втор. 14: 19), **святыха дни чтите** (ср.: Исх. 20: 8–9; Втор. 5: 12–13)» (ПЛ, 225–226). К этому же блоку относится и стоящая несколько особняком заповедь чтить старших: «**Чтите стара человекъ и родителя своа**» (ПЛ, 225; ср. Лев. 19: 32; Втор. 5: 16; Исх. 20: 12).

Нельзя не отметить, что набор нравственных требований в наставлении Луки значительно уже требований, задававшихся Св. Писанием. В частности, сокращены положения десятословия. Из данных через Моисея заповедей Божиих опущены: запрет поклоняться иным богам (Втор. 5: 7; ср.: Исх. 20: 3; 4 Цар. 17: 35), запрет на создание кумиров и службы им (Втор. 5: 8; Лев. 19: 4; ср.: Исх. 20: 4–6), правило субботнего дня (Втор. 5: 12; ср.: Лев. 19: 3, 30; 26: 2; Исх. 20: 8–11). В сравнении с библейскими заповедями отсутствует запрет на произнесение имени Господа напрасно (Втор. 5: 11; Исх. 20: 7), запрет лжесвидетельствования (Втор. 5: 20; Исх. 20: 16). Наконец, не обнаруживается в нравственном кодексе Луки запрета, постулирующего недопустимость покушения на имущество и владение ближнего (Втор. 5: 21; Исх. 20: 17)³².

Выборочный поход к трансляции библейских заповедей должен был иметь свои причины. Исключение правила субботы логично, поскольку оно не имело отношения к христианской практике.

Заметно, что новгородский святитель обходит стороной имущественные преступления, связанные с овладением чужой собственностью. Напоминание о завладении благосостоянием ближних вряд ли положило бы конец имуществен-

ным стяжаниям знатных новгородцев, а вот неудовольство и озлобление вполне могло зародить. Святитель здесь поступал не только как дипломат, но и как реалист. В условиях интенсивной феодализации он даже не поднимал вопрос о требовании, заведомо невыполнимом. Но в этой характерной тенденциозности вновь усматривается элитарный адресат его «Поучения».

Что касается отсутствия среди заповедей запрета на дачу ложных показаний, то данный прецедент вроде бы покрывается более общим правилом: «не лги». Однако юридический оттенок лжесвидетельствования, в итоге, затушёвывается. Отсутствующее правило о напрасном произнесении имени Господа тоже вроде бы охватывалось прецедентом клятвoprеступления, но при этом снимается смысл профанирования при употреблении Божественного имени. Может быть, умолчание вновь касается неискоренимой практики?

Замалчивание темы кумиропоклонения и неизбежных для раннехристианского общества рецидивов поклонения прежним богам — черта весьма нетипичная для пастырских поучений. На всём пространстве ПЛ не находится ни одного прямого осуждения языческих пережитков, о которых применительно к рассматриваемому времени свидетельствуют и данные археологии, и письменные источники. Данная проблема не потеряла актуальности и в более позднее время. С этой злободневной задачей столетия спустя активно боролись идеологи древнерусской церкви³³. Бросающаяся в глаза особенность творчества Луки может рассматриваться как частный случай сдержанного отношения архипастыря к грехам паствы вообще. Однако в условиях сложного процесса христианизации подобное умолчание могло быть и весьма продуманным тактическим шагом — излишне не отталкивать от Церкви приверженных к традиционным привычкам новгородцев. В стремлении укрепить мир Киева с Новгородом уход от острой темы представляется тонким дипломатическим приёмом.

В общем и целом пожелания Луки «братии» не содержат трудновыполнимых требований. В литературе верно отмечались присущие автору «Поучения» кротость и снисхождение, проявившиеся в том, что тональность увещевания не оставляла места для обличения³⁴. Правильно указывалось и на отличия проповеди Луки от обличительно-полемической заострённости творчества других иерархов (Леонтия, Георгия, Иоанна)³⁵. Тактичная мягкость наставления — системное качество произведения.

Для выполнения заповедей новгородского святителя не надо было вставлять на путь подвига и больших ограничений. Нормативная этика Луки мягкая и достаточно легко воплощаемая в жизни, что даёт основание сближать её с известной древнерусской теорией «малых дел», которая позволяла без особых усилий соответствовать требованиям христианской нравственности³⁶. К тому же в ПЛ не звучит мотив неукоснительного исполнения всех выдвинутых предписаний. Эта особенность творчества отражает увещевательно-просветительский характер деятельности новгородского святителя.

Увещевательно-миролюбивый подход к несовершенной, а во многих своих жизненных качествах даже порочной пастве нельзя объяснить только тем, что

можно назвать «этикой любви», которая основывается на готовности простить слабого и падшего человека. Здесь действовали и иные соображения, связанные с верой в Божественное усыновление человека непорочного: «**не мози свадити да не наречешиса сынъ днаволоу, но смири, да боудеши сынъ Богоу**» (ПЛ, 223–224). Показательно, что тема покаяния на пути спасения проповедником не ставится. Это резко отличает текст Луки от более поздних пастырских поучений, адресованных древнерусским людям. Веру в Божественное усыновление крестившихся и отвернувшихся от зла безбожия людей выражал митрополит Иларион в «Слове о Законе и Благодати»³⁷. Представляя духовную дружину Ярослава, набиравшуюся из отечественных кадров, оба стоят на одинаковых позициях.

Подводя итоги, можно констатировать следующее. Творчество новгородского святителя — это яркое и выдающееся явление культурной и религиозной жизни эпохи христианизации Руси. ПЛ представляет собой древнейший отечественный образец нравственного назидания, в жанровой форме которого автор сумел выразить не только насущные для его эпохи религиозно-этические, но и некоторые политические устремления.

Простота языка и предельная упрощённость содержания, вопреки высказываниям некоторых авторов, отражают не примитивизм творческой манеры, а представляют собой необходимую адаптацию понятийно-информационного поля текста к уровню, доступному для восприятия вчерашних язычников. В рамках «Поучения» в самой обобщённой и доступной форме суммируются базовые принципы вероучения. Задача пастыря — внушить новообращённой пастве самые общие и по большей части внешне формальные нормы христианского поведения и доктринально приемлемый образ мыслей. Поэтому нельзя не согласиться с теми исследователями, которые пришли к выводу, что по всем признакам поучение «приспособлено было к понятиям тех младенцев по вере, к которым было направлено»³⁸, и являлось «типичным увещанием к новообращённым, которые ещё подвержены влиянию язычества»³⁹.

Жанр поучения творчески переработан и приспособлен Лукой к потребностям времени и специфическим задачам утверждения христианства и христианской нравственности в новгородских землях Руси. Мастерство Луки Жидята проявилось не в риторических ухищрениях, богатстве книжных источников или оригинальных озарениях мысли, а в его способности сделать сложное простым, ясным и понятным. В наставлениях и рекомендациях святителя пастве, как в зеркале, отразилось ещё незрелое состояние церковно-религиозной обстановки в городе.

Всё, к чему призывал Лука Жидята, выполнимо. В тех эпохальных условиях наставления для новгородцев являлись «программой минимум», осваивая которую они получали «спасительные уроки христианской нравственности»⁴⁰. Удобные для запоминания нормы нравственно-должного вполне справедливо названы «краткими аксиомами христианской морали»⁴¹, «простыми и краткими правилами христианской морали»⁴². Слово архипастыря было адресовано не искущённым в вере современникам и решало задачи укрепления в вере.

Принимая имеющиеся в историографии многие верные оценки ПЛ, всё же нельзя не отметить, что от внимания исследователей ускользала специфика этого произведения, которая проявлялась в приноравливании религиозных наставлений к интересам Киева. В контексте исторической обстановки «Поучение» предстаёт многогранным и политически актуальным текстом. Проповедник умело переводит общеморальное звучание своих наставлений в конкретно-историческую плоскость. Исключительное миролюбие и терпимость сочетаются в личности Луки с твёрдостью в проведении линии Ярослава и отстаивании его политических интересов в Великом Новгороде.

Лука Жидята — талантливый писатель-проповедник и идеолог-государственник. Вместе с Иларионом второй новгородский епископ стоит у истоков оригинального, наполненного продуктивными потенциями направления древнерусской мысли. По преобладанию нравственных мотивов в творчестве Луки его можно считать представителем практического направления в древнерусской религиозно-философской мысли. С древнейшего в отечественной письменности «Поучения» начиналось дело религиозного и нравственного преобразования древнерусского общества. Но идейно-смысловое содержание его шире. Наставление архипастыря служило одновременно проведению политической линии Ярослава в Новгороде.

¹ Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. IV. Ч. I. С. 113 (Далее — ПСРЛ).

² ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 150.

³ ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. С. 118; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 183.

⁴ ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 118; ПСРЛ. М., 2000. Т. 6. Вып. 1. Стб. 183.

⁵ ПСРЛ. М., 2000. Т. 9. С. 91. Возвращение и смерть в пути Луки Софийская летопись относит к 1060 г. (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 183.) В Новгороде устойчиво с XVI в. держалось убеждение, что обнаруженные при расширении предела Иоакима и Анны в 1558 г. нетленные останки являются мощами Луки (см.: Брюсова В. Г. Страница из истории Софийского собора Новгорода // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 42–43; Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. Церковная традиция и историческая критика. М., 1988. С. 7, 13, 70–73, 218).

⁶ Малышевский И. И. Русские известия о евреях в Киеве и Южной Руси в X–XII вв. // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. Киев, 1888. Кн. 2. С. 49–52; Барац Г. М. Повести и рассказы древнерусской письменности, имеющие отношение к евреям и еврейству // Киевская старина. 1906. Т. ХСП. Март – апрель. С. 409; Шляпкин И. И. Лекции по истории русской литературы. СПб., 1910–1911. Ч. 1. С. 447.

⁷ Малышевский И. И. Евреи в южной Руси и Киеве в X–XII веках // Тр. КДА. 1978. № 9. С. 442–443. Слабые места гипотезы Малышевского см.: Берлин И. Исторические судьбы еврейского народа на территории Русского государства. Пб., 1919. С. 139–140.

⁸ А. И. Соболевский, связывал прозвище святителя с распространённым у новгородцев именем Жидислав, а имена на «ята» (Жидята, Вышата, Воята) рассматривал как принадлежащие к числу уменьшительных (см.: Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СОРЯС. 1910. Т. 88. №. 3. С. 255–256). Аналогичные аргументы см.: Подскальски Г. Христианская и богословская литература в Киевской Руси (988–1237). СПб., 1996. С. 139.

- ⁹ Древнерусские патерики. М., 1999. С. 37.
- ¹⁰ См.: Жуковская Л. П. Значение и перспективы изучения Остромирова евангелия // Исследования по грамматике и лексикологии русского языка. М., 1961; Мурьянов М. Ф. К истории культурных связей Древней Руси по данным календаря Остромирова евангелия // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1982. М., 1984. С. 131–135, 137.
- ¹¹ См.: Уханова Е. В. У истоков славянской письменности. М., 1998. С. 120.
- ¹² ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. С. 116–117.
- ¹³ Новгородские летописи. Так называемая Новгородская вторая и Новгородская третья летописи. СПб., 1879. С. 181–182; ПСРЛ. Т. 43. С. 54.
- ¹⁴ Брюсова В. Г. 1) Фреска Вседержителя Новгородской Софии и легенда о Спасовом образе // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. XXII. С. 57–64; 2) О датировке древнейших фресок Софийского собора в Новгороде (XI – начала XII в.) // СА. 1968. № 1. С. 103–114; 3) Метрологическая достоверность «Меры Спасову образу» // Естественнонаучные представления Древней Руси. М., 1988. С. 18–21; 4) София Новгородская. Памятник искусства и истории. М., 2001. С. 36.
- ¹⁵ В 1065 г. существовала Софийская звонница, откуда Всеслав Полоцкий вывез в качестве трофеев колокола (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 186–187). См. об этом: Мурьянов М. Ф. «Звонят колоколы вечныя в Великом Новгороде» (славянские параллели) // Мурьянов М. Ф. История книжной культуры России. Очерки. СПб., 2007. Ч. 1. С. 569.
- ¹⁶ Летописные списки РНБ. Q.XVII.62; БАН. Собр. текущих поступл. № 1107. Л. 194 а – 196 а; РНБ. F. IV. 238. Л. 95 б – 96 б; РНБ. Пог. № 2035. Л. 67 а – 68 а; БАН. 16.3.2. Л. 71 б – 72 б; ГИМ. Син. № 152 (280). Л. 113 а – 114 б; ГИМ. Муз. № 2060; РНБ. F.IV.238. Л. 95 б – 96 б; РНБ. F.IV.603. Л. 263 а (Описание рукописных источников см.: Бугославский С. Поучение еп. Луки Жидяты по рукописям XV–XVII вв. // ИОРЯС. Пг., 1913. Т. XVIII. Кн. 2. С. 202).
- ¹⁷ Первым на них указал Н. К. Никольский (см.: Никольский Н. К. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X–XI в.). СПб., 1906. С. 147–149. Описание четырёх версий см.: Бугославский С. Указ. соч. С. 203–205).
- ¹⁸ Тимковский Р. Ф. Поучения архиепископа Луки к братии // Русские достопамятности, издаваемые ОИДР. М., 1815. Ч. 1. С. 3–16.
- ¹⁹ См.: Евсеев Е. И. Поучение Луки Жидяты, архиепископа новгородского // Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. СПб., 1894. Вып. 1. С. 14–24.
- ²⁰ Бугославский С. Указ. соч. С. 222–226.
- ²¹ Новгородская четвёртая летопись // ПСРЛ. Пг., 1915 (переиздание М., 2000. С. 118–120). Т. IV. Ч. I. Вып. 1; Новгородские и Псковские летописи // Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссиею. СПб., 1848. Т. 4; ПСРЛ. М., 2004. Т. 43. С. 55.
- ²² Бугославский С. Указ. соч. С. 226–232.
- ²³ Евсеев И. Е. Поучение Луки Жидяты... С. 10, 12.
- ²⁴ Доброхотов В. Св. Лука Жидята, второй епископ новгородский // Странник. 1865. Октябрь. С. 6–7.
- ²⁵ Доброхотов В. Св. Лука Жидята, второй епископ новгородский // Странник. 1865. Ноябрь. С. 52. Ср.: Соловьёв С. М. Сочинения. М., 1988. Кн. II. Т. 3–4: История России с древнейших времён. С. 80; Макарий (Булгаков). История Русской церкви. М., 1995. Кн. II. С. 68–69.
- ²⁶ Доброхотов В. Св. Лука Жидята, второй епископ новгородский // Странник. 1865. Октябрь. С. 21

²⁷ *Ерёмин И. П.* Русская литература XI – нач. XII в. Гл. VII: Учительная литература // История русской литературы. М.; Л., 1941. Т. 1. С. 350; *Подскальски Г.* Указ. соч. С. 156–157; *Будовниц И. У.* Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.). М., 1960. С. 117–118; Златоструй. М., 1990. С. 151–152; *Творогов О. В.* Лука Жидята // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1. С. 251–253; Письменные памятники истории Древней Руси. СПб., 2003. С. 117–119; *Карпов А. Ю.* Ярослав Мудрый. М., 2005. С. 285.

²⁸ Здесь и далее делается отсылка на текст памятника по так называемому Бекетовскому списку, опубликованному в изд.: *Бугославский С.* Поучение еп. Луки Жидяты по рукописям XV–XVII вв. // ИОРЯС. СПб., 1913. Т. XVIII. Кн. 2. Непосредственно в строке обозначается страница по указ. изд.

²⁹ «**Москолудствѣ**» в словарях зафиксировано со значением «шутовство, балагурство», глагол «**москолудити**» в значении «насмехаться, издеваться» (Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1982. Вып. 9. С. 271), Часто «**москолудствѣ**» трактуют как подобие маскарадного действия, а именно игрища с использованием масок (*Тимковский Р.* Указ. соч. С. 12–13), или как «бесовские игрища» (см.: *Соловьёв С. М.* Указ. соч. С. 73). Сближение с шутовством и бесовскими игрищами вполне выводимо из этимологии лексемы, которая связана с греч. *μασκαρόδης* — «шутник», *μασκαρόδιον* — «рожа, гримаса», *μασκαρά* — «маска» (*Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1967. Т. II. С. 661).

³⁰ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 172; ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. С. 110.

³¹ *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 2003. С. 68–70.

³² Но вместе с тем к усечённому десятословному ядру добавлены пункты о пьянстве, гневе, скверноядении, почитании святых дней, о солидарности с радующимися и печалующимися.

³³ См.: *Гальковский Н. Н.* Борьба христианства с остатками язычества. М., 1913. Т. II. С. 22, 23, 41–44, 59–60 и др.; *Серапион Владимирский.* Поучения // *Мильков В. В.* Осмысление истории в Древней Руси. СПб., 2000. С. 326–327, 337.

³⁴ См.: *Тихомиров М. Н.* Исследования о Русской Правде. М.; Л., 1941. С. 35–40.

³⁵ *Доброхотов В.* Св. Лука Жидята, второй епископ новгородский // Странник. 1865. Октябрь. С. 7.

³⁶ См.: *Мильков В. В.* Нравственная программа Владимира Мономаха // Митрополит Никифор. СПб., 2007. С. 211–212.

³⁷ См.: *Мильков В. В.* Иларион и древнерусская мысль // Идеино-философское наследие Илариона Киевского. М., 1986. Ч. 2. С. 19–20.

³⁸ *Макарий (Булгаков).* Указ. соч. С. 68.

³⁹ *Подскальски Г.* Указ. соч. С. 157.

⁴⁰ *Доброхотов В.* Св. Лука Жидята, второй епископ новгородский. С. 20.

⁴¹ *Будовниц И. У.* Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.). М., 1960. С. 117–118.

⁴² *Доброхотов В.* Св. Лука Жидята, второй епископ новгородский // Странник. 1865. Ноябрь. С. 52.